Смерть после полудня

Автор:
Эрнест Хемингуэй

Смерть после полудня

Эрнест Миллер Хемингуэй

По ком звонят колокола

Книга, которую называют лучшим произведением о корриде, написанным не испанцем.

Коррида. Смертельно опасная игра человека и быка, одновременно грандиозное, яркое шоу, жестокий спорт и загадочный ритуал, корни которого затеряны в глубокой древности.

Один из главных символов Испании, наряду с мелодиями фламенко, стихами Лорки, картинами Веласкеса и Гойи, «Дон Кихотом» Сервантеса и комедиями Лопе де Вега.

Каждый год посмотреть корриду и проникнуться ее духом, духом истинной Испании, съезжаются миллионы туристов со всего мира.

Но что же такое коррида? Каковы ее история и законы? Об этом рассказано в одной из самых ярких книг великого Хемингуэя – писателя, страстно любившего искусство боя быков…

До этого момента на русском языке печатались только фрагменты. Книга впервые издается полностью, включая богатый фотоматериал с комментариями автора!

Эрнест Хемингуэй

Смерть после полудня

Ernest Hemingway DEATH IN THE AFTERNOON

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1932

Школа перевода В. Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Посвящается Полине

Глава первая

Мне казалось, что на самом первом в моей жизни бое быков я буду перепуган, а может, и шокирован чуть ли не до рвоты тем, что случится с лошадьми. Большинство авторов книг и статей о корриде преподносили бой быков как безрассудное и жестокое дело. И даже те, кто находил похвальные слова – мол, это демонстрация мастерства и подлинный спектакль, – все равно сожалели о вовлечении лошадей. Гибель лошадей на арене считалась обычаем, который невозможно оправдать. Думаю, с современной, то бишь христианской точки зрения, бой быков в принципе не имеет права на существование; в нем слишком много жестокости, постоянно присутствует опасность, как вызываемая сознательно, так и непредсказуемая, и всегда есть смерть. Так что мне нет смысла обелять корриду, я лишь добросовестно расскажу о тех вещах, которые постиг на личном опыте. Для этого я должен быть честным до конца или хотя бы

приложить к этому усилия, а если кто-то из читателей решит, дескать, вся эта писанина свидетельствует о душевной черствости и толстокожести автора, мне останется лишь согласиться. Но выступать в роли подобного судьи имеет право только тот, кто сам видел описанные здесь вещи и доподлинно знает, какой была его собственная реакция на них.

Помнится, как-то раз, беседуя о бое быков, Гертруда Стайн обмолвилась, что восхищается Хоселито, и показала фотографии, сделанные в Валенсии. Она сидела в первом ряду деревянных сидений барреры по соседству с Алисой Токлас, а Хоселито со своим братом Эль Галло стояли внизу, на арене. Я тогда только что прибыл с Ближнего Востока, где греки, покидая Смирну, размозжили ноги своим вьючным животным, после чего утопили их на мелководье у самой пристани; хорошо помню, как я заявил тогда, что терпеть не могу бой быков как раз из-за злосчастных лошадей. В ту пору я уже пробовал писать и успел наткнуться на величайшую сложность из всех: надо знать, что? ты испытываешь по-настоящему – в противоположность тем эмоциям, которых от тебя ждут или которые тебе прививали. Мало того, надо еще суметь изложить то, что случилось в действительности; какими они были, те вещи, что вызвали в тебе эти чувства. Когда работаешь газетным хроникером, то рассказывая, что и как произошло, с помощью тех или иных стилистических приемов делишься своими эмоциями, – чему, кстати, способствует сам факт, что ты пишешь на злобу дня: он-то и придает окраску любым текущим событиям. Однако та самая цепь действий и фактов, рождающая данную эмоцию, которая останется верной через год, через десятилетие – или, если повезет и если ты сумеешь изложить ее достаточно чисто и верно, то и навсегда, – так вот, эта подлинная суть от меня ускользала, и я из кожи лез вон, чтобы ее ухватить. Теперь, когда войны позади, единственное место, где можно видеть жизнь и смерть, вернее сказать, смерть насильственную, это арена для боя быков, и я страстно желал попасть в Испанию, где смог бы изучить сей феномен подробнее. Я учился писать на простейших вещах, а насильственная смерть как раз и есть одна из самых незамысловатых и основополагающих вещей. В ней нет замутненности, свойственной смерти по болезни или по так называемым естественным причинам; нет запутанного вороха эмоций, которые вызывает смерть друга или того, кто стяжал твою любовь или ненависть. Мне довелось прочесть множество книг, где автор тужился живописать смерть, но выходило смазано, и я решил, что либо автор никогда не видел смерть четко и ясно, либо не присутствовал ровно в этот роковой миг: физически или психологически зажмурился, как бывает, когда ребенок на твоих глазах вот-вот угодит под поезд, а ты ничем не можешь ему помочь. Думаю, в такой ситуации позволительно, пожалуй, оправдать человека, что он зажмурился, коль скоро все, что он сможет

передать, есть простой факт, мол, паровоз через мгновение переедет ребенка, и описание собственно гибели окажется антиклимаксом. Вот почему авторам удавалось передать лишь то, что предшествовало наезду. Зато в случае расстрела или казни через повешение все не так, и если эти до крайности простые вещи надо запечатлеть навсегда, как, к примеру, попытался сделать Гойя в Los Desastres de la Guerra, с закрытыми глазами ничего бы не вышло.

Я кое-что видел в таком жанре, кое-что простое и запоминающееся, однако ни прямое участие в событиях, ни, в ряде других случаев, изложение их на бумаге сразу по окончании и, стало быть, обнаружение вещей, которые требовалось зафиксировать незамедлительно, все же не дали мне возможность изучить их, как, к примеру, мог бы поступить кто-то, исследуя смерть родного отца или, скажем, повешение человека, с которым он не был знаком и о смерти которого ему не требовалось писать сразу же, чтобы поспеть к первому выпуску послеобеденной газеты.

Вот почему я поехал в Испанию – чтобы увидеть бой быков и попытаться об этом написать. Мне представлялось, что коррида – занятие незамысловатое, варварское и жестокое, и что от него я буду не в восторге, но, по крайней мере, увижу нечто недвусмысленно активное, нечто, дающее ощущение жизни и смерти, ради которого я так старался. Недвусмысленно активное я обнаружил, однако бой быков был настолько далек от незатейливости и настолько мне понравился, что превзошел своей сложностью мои тогдашние способности к сочинительству; если позабыть про четыре коротеньких наброска, я за пять лет ничего об этом и не написал. Хотя лучше бы я подождал лет десять. С другой стороны, просиди я подольше, вероятно, вообще ничего не получилось бы, потому что есть у человека такая склонность: когда ты по-настоящему начинаешь чему-то учиться, то не хочешь об этом писать; наоборот, тебя тянет продолжать осваивать новое, причем постоянно, и, если только ты не эгоист (чему, разумеется, мы и обязаны таким количеством книжек), ты никогда не сможешь воскликнуть: ну вот, теперь-то я все знаю, пора бы об этом написать. Уж конечно, я такого не говорю; с каждым новым годом я все больше понимаю, что есть чему учиться, но ведь мне известны кое-какие вещи, которые могут быть интересны прямо сейчас, к тому же я могу надолго отойти от боя быков, и, стало быть, отчего бы не написать об этом нынче? И вообще, англоязычная книжка про бой быков может быть полезна, а уж серьезный трактат на столь безнравственную тему и подавно не лишен ценности.

Кстати, о нравственности. До сих пор я полагал, что нравственно то, что вызывает у тебя положительный отклик, а безнравственное, соответственно, вызывает отклик отрицательный. Так вот, если судить с позиции этих критериев (которые я, между прочим, и не отстаиваю), для меня бой быков – вещь высоконравственная, потому что я прекрасно себя чувствую, пока он идет. В эти минуты я ощущаю жизнь и смерть, бренность и бессмертие, ну а когда все заканчивается, я чувствую себя опечаленным, но в целом опять-таки вполне замечательно. И еще: меня не задевает судьба лошадей. Не в том смысле, что мне вообще все равно, а именно в те минуты. Я сам был поражен этим наблюдением, потому что не переношу зрелища упавшей на улице лошади. Меня сразу тянет ее спасать; я не раз кидался разбрасывать тяжелые вьюки, расстегивать упряжь, уворачиваясь при этом от подкованных копыт, и буду повторять то же самое, пока в мокрую и стылую погоду на городских улицах будут валяться лошади. Однако происходящее с лошадьми на арене для боя быков не вызывает у меня ни ужаса, ни омерзения. Я много раз ходил на эти зрелища в компании как мужчин, так и женщин, видел реакцию окружающих на смерть, на вспоротое рогами лошадиное брюхо; так вот: их реакция совершенно непредсказуема. Женщины, которые, как мне казалось, с удовольствием понаблюдают за боем быков, исключая выпускание кишок лошадям, сидели как ни в чем не бывало. То есть ничуточки: предмет их неодобрения, нечто страшное и отвратительное не вызывало у них ни омерзения, ни страха. Совсем. Зато другим людям, причем обоих полов, становилось прямо-таки дурно. Позже я приведу конкретные примеры, а пока хотелось бы просто отметить, что не было никакой разницы, или границы, скажем, в уровне воспитанности, цивилизованности или житейского опыта, которая позволила бы сказать: вот эти будут огорошены, а вот эти – нет.

Из личных наблюдений могу засвидетельствовать, что есть две группы людей: одни, если пользоваться языком психологии, идентифицируют себя с животными, иными словами, ставят себя на их место, в то время как другие идентифицируют себя с людьми. Причем те, кто идентифицируют себя с животным – и здесь речь идет о едва ли не профессиональных любителях собачек и прочих созданий, – способны на бо?льшую жестокость по отношению к человеку в сравнении с теми, кто с меньшей готовностью принимает позицию зверя. Очевидно, по этому вопросу между людьми есть коренная разница взглядов, хотя тот, кто не идентифицирует себя с животным и в принципе не отличается особой любовью к ним, вполне может быть привязан к какой-то конкретной собаке, кошке или, к примеру, лошади. Но такую привязанность они будут формировать на основе определенного качества этого животного или в силу некой ассоциации, а вовсе не потому, что это зверь и, стало быть,

заслуживает любви. Что касается меня лично, я испытывал глубокую привязанность к трем кошкам и, кажется, четырем собакам, а также всего лишь двум лошадям, тем самым, которых купил, седлал или запрягал для своих прогулок. Что же касается лошадей, которыми я интересовался на скачках, то к ним я испытывал глубокое восхищение, а уж когда сам ставил на них деньги, то едва ли не любовь. В моей памяти остались Фрегат, Истребитель (честное слово, в него я прямо-таки втюрился), Шпинат, Царь, Герой-XII, Мастер Боб и полукровка по прозвищу Ункас, тоже стиплер, как и двое предыдущих. Всеми этими животными я искренне восхищался, но вот насколько глубина моей любви была связана с размером поставленных сумм, я не знаю. Когда Ункас, победивший в классическом Отвильском стипл-чейзе при ставках десять к одному и выше, мчался к финишу вместе с моими деньгами, то я любил его глубокой любовью. Однако спросите меня, что в конечном итоге сталось с этим животным, о котором мы с Эваном Шипманом говорили чуть ли не рыдая – уж так нам нравился сей благородный скакун, – то я отвечу: понятия не имею[1 - Прочитав этот пассаж, мистер Шипман любезно уведомил, что Ункас сломал ногу и сейчас мистер Виктор Эмануэль приспособил его в качестве упряжной клячи. Что меня совершенно не трогает. – Прим. автора.]. Зато я отлично знаю, что не влюблен в собак просто оттого, что они собаки, в лошадей – оттого, что они лошади, или в кошек – потому что они кошки.

Вопрос «почему смерть лошади на арене не цепляет за душу», а если точнее, не цепляет за душу кое-кого из людей, довольно сложен. Фундаментальная причина, похоже, в том, что гибель лошади комична, а быка – трагична. Дело в том, что в бое быков лошадь – персонаж комический. Такова удивительная правда. Чем несуразнее выглядит лошадь (при условии, что у нее достаточно высокий круп и она достаточно прочно стоит на ногах, чтобы пикадор мог орудовать своей vara, то есть пикой), тем больше она привносит комизма. Вполне естественно, если вас охватит ужас и отвращение при виде этих пародий на лошадь, не говоря уже об их судьбе, однако заранее такую реакцию предсказать нельзя, если только вы сами себя на нее не настроите. Эти лошади как бы даже и не лошади; в каком-то смысле они сродни птицам – неуклюжим птицам вроде марабу или зобатых аистов. Когда бык подхватывает такую лошадь на свой загривок и над ареной болтаются ее тощие ноги с шишками копыт, уныло обвисает шея, за рог цепляется измочаленное брюхо, то это, конечно, не смешно – но, клянусь вам, и не трагично. Весь трагизм сосредоточен в быке и в человеке. Кульминация карьеры этой лошади состоялась вне аренды и намного раньше, а именно, когда ее приобрели для корриды. По какой-то причине подобный конец кажется вполне закономерным для такого животного, и когда трупы лошадей накрывают парусиной, торчащие из-под нее длинные

ноги, шеи, деформированные головы, да и сама ткань, напоминающая сложенные крылья, делают этих лошадей как никогда похожими на птиц. Ни дать ни взять дохлый пеликан. Живой пеликан интересен, он забавен, вызывает симпатию, хотя и награждает вшами, стоит его погладить; а вот дохлый пеликан выглядит по-дурацки.

Я пишу это не в оправдание боя быков, а чтобы подать его как единое целое, и для этого придется признать ряд вещей, которые защитник корриды упомянет мельком, а то и вовсе постарается обойти стороной. То комическое, что происходит с лошадьми, не есть смерть. В смерти нет комизма. Она придает мимолетную величественность даже самым смехотворным персонажам, хотя стоит смерти состояться, как от величественности не остается и следа. Дело в том, что кровавые события на арене порой принимают нелепый, чуть ли не карикатурный характер. Разумеется, по нашим меркам, нет ничего смешного в том, что животному выпускают кишки; но если это животное ведет себя не трагически, иными словами, величественно, а напротив, одеревенело, как нескладная старая дева, галопирует по арене, таща за собой нечто противоположное облакам славы, это столь же комично, как если бы вместо окровавленных внутренностей тянулись сардельки, крашеные бинты и прочий вздор, наподобие того, что показывают братья Фрателлини в своих клоунадах. Если комично одно, то столь же комично и другое; смех рождается из одного и того же принципа. Я это видел: бегущих людей и лошадей со вспоротыми животами; видел, как исчезает величавость под брызгами, ошметками и вывалившейся требухой из самых сокровенных ценностей, когда трагедия становится форменной буффонадой. Я видел их, выпотрошенных – вот, пожалуй, наихудшее слово, – в те мгновения, когда, в силу обстоятельств, это выглядело ужасно смешно. Такие вещи полагается осуждать, и как раз из-за этого-то осуждения до сих пор не удалось объяснить, в чем же суть боя быков.

Сейчас вышеупомянутые кровавые обычаи уже не практикуются в Испании, потому что в период правления де Риверы было решено защитить лошадям брюхо посредством своеобразных стеганых тюфячков, «дабы избежать сих безобразных картин, которые столь претят чужеземцам и туристам», если пользоваться формулировками правительственного указа. Да, эти попонки позволили «избежать безобразных картин» и существенно снизили лошадиную смертность на арене, но ничего не сделали для уменьшения испытываемой ими боли. Зато весьма пострадала зрелищность, о чем у нас еще пойдет речь; к тому же эти меры стали первым шагом к полному запрету боя быков. Коррида в Испании – своего рода социальный институт; он возник и существует отнюдь не ради чужеземцев и туристов, а напротив, вопреки им, так что любые шаги,

призванные заручиться их одобрением, направлены на подавление этого обычая.

Строки, где обсуждается реакция человека на судьбу лошадей в корриде, появились здесь вовсе не оттого, что автор хочет рассказывать о самом себе и собственных впечатлениях под тем предлогом, что они-де важны в силу личной принадлежности; они лишь подчеркивают тот факт, что реакция мгновенна и непредсказуема. Я не стал безразличен к судьбе лошадей из-за огрубления чувств, неоднократно побывав свидетелем такого зрелища. И дело не в том, что до эмоций сложнее достучаться, когда тема становится очень знакомой. Я все равно принимаю происходящее с лошадьми близко к сердцу, как в самый первый раз. Наверное, можно заявить, что я очерствел, наблюдая за войной или работая журналистом, но это не объясняет, отчего точно такую же реакцию испытывают люди, которые никогда не видели войну, не переживали – физически и буквально – какой бы то ни было ужас или не работали хотя бы в утреннем листке.

Думаю, что вся эта трагедия – бой быков – настолько заорганизована и подчиняется такой строгой дисциплине, что любой человек, который эту трагедию ощущает, не способен вычленить второстепенную лошадиную трагикомедию, чтобы прочувствовать ее на уровне эмоций. Если кому-то удается ощутить смысл корриды, когда он ничего о ней не знает, а лишь видит, что она длится и в какой-то момент заканчивается, то лошадиные перипетии для него не более чем случайный эпизод. Если человек не ощущает трагедию, то естественно ожидать, что эмоциональный отклик у него будут вызывать самые яркие происшествия. Будь он человеколюбив или животнолюбив (ну и словечко!), столь же естественно, что у него не возникнет ощущения трагедии, а лишь реакция по человеколюбивым или, соответственно, животнолюбивым соображениям, причем самым большим страдальцем является лошадь. Если такой человек идентифицирует себя с животным, то станет испытывать подлинные муки, не исключено даже, посильнее лошадиных. Тот, кто уже получал рану, знает: настоящая боль приходит не раньше, чем через полчаса, причем тяжесть раны и вызванная ею боль не прямо пропорциональны. Боль в брюшной полости возникает много позже, с началом газообразования и развитием перитонита; зато вытянутая жила или сломанная кость принимаются болеть тут же, да еще дико. Однако подобные вещи либо вовсе неизвестны, либо игнорируются человеком, который идентифицирует себя с животным, и он будет мучиться искренне и тяжело лишь от этой стороны боя быков, в то время как увечье, полученное скакуном в ходе стипл-чейза, вызовет у него не страдания, а лишь сожаление.

В общем и целом получается, что афисьонадо, или ревностный поклонник боя быков, это человек, который обладает чувством трагедии и ритуальности корриды в такой степени, что ее второстепенные стороны важны лишь постольку, поскольку соотносятся с единым целым. Либо ты обладаешь этим чувством, либо нет; все равно что – и я не ставлю здесь знака равенства – все равно что иметь или не иметь музыкальный слух. Если у слушателя нет музыкального слуха, то весь симфонический концерт может свестись для него к движениям «пильщика» на контрабасе; точно так же в памяти зрителя корриды может остаться лишь внешняя гротескность пикадора. Движения контрабасиста гротескны, а извлекаемые звуки, сами по себе, зачастую вовсе бессмысленны. Если бы слушатель симфонического концерта проявил свое человеколюбие в той же степени, как и при бое быков, он, наверное, нашел бы столь же изрядный простор для борьбы за повышение заработной платы и уровня жизни контрабасистов, что и при облегчении участи несчастных лошадок. Будучи, однако, человеком культурным (вправе же мы сделать такое допущение?) и полагая, что симфонические оркестры в принципе вещь хорошая и принимать их следует в совокупности, он, наверное, не будет испытывать на концертах ничего, кроме удовольствия и одобрения. Он не воспринимает контрабас отдельно от всего оркестра и не замечает, что на нем, вообще-то, играет некий человек.

Как и в любом искусстве, чем больше в нем разбираешься, тем выше наслаждение, однако люди, даже впервые попавшие на бой быков, с ходу понимают, интересен он им или нет, – но только в том случае, если отправляются на корриду с непредвзятым мнением и переживают эмоции искренне, а не по указке. А может выйти и так, что бой быков будет им совершенно безразличен, и не важно, удался он или нет; здесь любые объяснения бессмысленны, и заметна лишь очевидная аморальность всего мероприятия, как оно бывает, когда люди отказываются получить удовольствие от вина лишь потому, что считают это предосудительным.

Сравнение с выпивкой отнюдь не притянуто за уши. Культура потребления вина стоит в ряду наиболее значительных достижений цивилизации, естественных и доведенных до совершенства; вино, пожалуй, дает более широкий простор для наслаждения и ценительства, чем любое иное чисто сенсуальное удовольствие, доступное за деньги. Вина можно изучать, а личные вкусовые пупырышки – обучать, причем целую жизнь: вкус рафинируется, становится более взыскательным, и ты непрерывно получаешь больше радости от вина, хотя твои почки слабеют, суставы пальцев на руках и ногах распухают и деревенеют, и

вот, наконец, ровно в тот период, когда ты научился любить вино самой пылкой любовью, врачи тебя от него отлучают на веки вечные. Так глаз, который, по сути, являясь изначально лишь здоровым инструментом, с течением времени становится способен передавать в мозг все более и более приятные картины благодаря приобретенным знаниям или навыкам различать увиденное, – хотя сам уже не столь крепок. У любого из нас тем или иным образом изнашивается организм, и мы все умрем; так вот, я скорее соглашусь иметь вкус, который позволит в полной мере насладиться бутылочкой «шато марго» или «шато о-брион» (хотя излишества, на которые я пускался, приобретая столь тонкий вкус, довели печень до состояния, при котором мне уже нельзя пить «ришбур», «кортон» или «шамбертен»), нежели обладать лужеными кишочками моей молодости, когда все красные вина – кроме портвейна – были под стать горькому пиву, а выпивка представляла собой процесс поглощения чего угодно, зато в таком количестве, что море стало по колено. Тут фокус, разумеется, в том, чтобы не потерять право на вино раз и навсегда; все равно что – продолжая аналогию с глазом – избежать слепоты. Похоже, однако, что во всем этом присутствует изрядная доля случайного везения, и, как ни тужись, никто не сможет избежать смерти или, к примеру, заранее сказать, какой орган твоего тела чего и сколько выдержит, пока сам это не проверишь на практике.

Наверное, кому-то покажется, что мы изрядно отклонились от темы боя быков, но я вот что хочу сказать: чем больше знаешь о винах, чем рафинированней твой вкус, тем больше шансов на то, что ты будешь извлекать из вина бесконечное наслаждение; точно так же может расти удовольствие и от корриды, пока она не станет главнейшей мелкой страстишкой в твоей жизни. Вместе с тем человек, выпивающий – не как знаток и ценитель, а именно что выпивающий – стакан вина впервые в жизни, будет знать, нравится это ему или нет, идет ли на пользу, даже если ему неинтересно разбираться во вкусе вина или он вообще лишен такой способности.

Большинство поначалу предпочитает десертные вина, скажем, сотерны из Грава или Барсака, а также игристое, в частности, не слишком сухое шампанское или игристое бургундское благодаря их живописному оформлению, в то время как на более позднем этапе всё вышеперечисленное, вероятно, захочется поменять на легкие, но изысканные и полновкусовые винтажи гран крю из Медока, хотя это вино может оказаться в простецкой бутылке без этикетки, пыли или паутины, словом, ничего живописного, лишь безыскусственная гармоничность и легкость вкуса на твоем языке, прохлада во рту, а затем приходит тепло. Так же и в корриде: все начинается с живописности пасео – красочность, сценичность, театральность фаролов и молинет; матадор кладет руку на бычью морду, гладит

рога; словом, разыгрывается вся та бесцельная и романтическая чепуха, которую так обожает зритель. Публика рада видеть, что лошади защищены, не надо огорчаться неудобоваримыми картинами, и все эти сцены вызывают рукоплескания. Наконец, когда зритель – благодаря неоднократному опыту – становится заправским ценителем, он начинает требовать искренности и эмоций: подлинных, а не вызванных хитрыми уловками; всегда в цене классика, а также чистота исполнения суэрте. Зритель уже не хочет подслащенности, напротив, предпочитает лошадей без защитных рогожек, чтобы видеть все раны. И чтобы была смерть, а не мучения, на которые теперь обречена лошадь, в то время как слабонервного пожалели. И подобно самому первому глотку вина, ты сразу поймешь, нравится ли тебе такое или нет. В корриде имеются формы на любой вкус, и если она тебе не понравилась, в смысле, целиком, без копания в деталях, то, стало быть, она не для тебя. Понятное дело, ценителям корриды было бы приятно, если бы те, кому она не по душе, не устраивали бы против нее крестовых походов, не давали бы денег на ее запрет на том основании, что коррида-де их оскорбляет или не доставляет удовольствия. Однако на такое надеяться глупо; любая вещь, способная вызывать страстную любовь, может вызвать не менее страстную ненависть.

Скорее всего первый в жизни человека бой быков окажется неудачен с артистической точки зрения, раз уж замечательными должны быть и матадоры, и быки; сочетание из матадора-артиста и плохого быка не дает интересного боя, так как матадор, умеющий произвести самое яркое впечатление, не станет проделывать виртуозные вещи с быком, который не атакует в лоб. Вот и получается, что если бык неудачен, если в нем видна лишь свирепость, а не великолепие, то на него нельзя положиться, он сдержан или непредсказуем; лучше, когда с такими быками имеют дело многоопытные, бесхитростные и отлично знающие свое ремесло матадоры, но никак не артисты. Такие матадоры и с трудным животным дадут зрелище надлежащее, а раз от быка исходит дополнительная опасность, для преодоления которой требуются дополнительное мастерство и смелость, чтобы достойно подготовить быка и убить его, такой бой интересен даже полнейшему новичку. Зато если умелый, отважный и сведущий матадор столкнется с настоящим торо браво, то есть храбрым боевым быком, тем самым, который нападает в лоб, который откликается на все поддразнивания и вызовы, который лишь раззадоривается от боли и обладает тем техническим качеством боевого порыва, кое испанцы именуют словом «благородство», в то время как матадор всего лишь храбр и бесхитростен, не владеет волшебством гибкого запястья и зрением художника, которые в сочетании с истинно боевым быком и породили скульптурную пластику современной корриды, то этот матадор садится в лужу: он

обеспечивает пусть честное, но ничем не примечательное зрелище и все ниже катится по лестнице коммерческого рейтинга, в то время как в толпе из работяг, получающих, скажем, не больше тысячи песет за год, раздается, причем совершенно искренне: «Эх, я бы и сотню монет выложил, лишь бы поглазеть на Каганчо с этим быком!» Каганчо – цыган, подвержен приступам трусости, в нем совершенно отсутствует бесхитростность, он нарушает все заповеди матадора, как писаные, так и неписаные, однако стоит ему заполучить быка, в котором он уверен (а такую уверенность он испытывает крайне редко), как он начинает проделывать с ним вещи, свойственные всем матадорам, но невиданным доселе образом. Порой Каганчо стоит совершенно неподвижно, будто вросшее в землю дерево, держится с надменностью и грациозностью, которые так свойственны цыганам; плащ развернут во всю ширину, и он перекидывает его перед бычьей мордой словно яхтенный парус – до того медленно, что искусство боя быков, которое не является искусством академическим лишь потому, что оно неперманентно, в заносчивой медлительности вероник, затягивающихся будто на целые минуты, становится перманентным. Вот вам образчик цветистого бумагомарательства наихудшего свойства, – и все же без него не обойтись, когда надо передать ощущение, а у того, кто никогда этого не лицезрел, простая констатация не вызовет переживаний. Читатель, видевший корриду, волен пропустить эти вычурные пассажи и сразу перейти к фактам, которые куда сложнее вычленить и сформулировать. А факт заключается в том, что цыган Каганчо порой способен своими волшебными запястьями исполнить традиционные движения настолько вкрадчиво, что они так же отличаются от традиционной корриды, как замедленная киносъемка – от съемки обычной. Будто ныряльщик научился управлять скоростью полета, и вот он продлевает свой прыжок «ласточкой», который быстротечен и резок в жизни, хотя на снимках напоминает планирование; он и впрямь превращает его в долгое скольжение на манер тех прыжков и скачков, что мы порой проделываем во сне. К другим матадорам, чьи запястья обладают или обладали этой же способностью, относятся Хуан Бельмонте, а также Энрике Торрес и Феликс Родригес; они периодически демонстрируют подобное волшебство с плащом.

Зрителю, впервые идущему на бой быков, не стоит рассчитывать на сочетание идеального быка и матадора, который к нему идеально подходит. Такое случается разве что раз двадцать за сезон во всей Испании, и шансы попасть на подобное зрелище невелики. Новичок к тому же будет настолько оглушен – визуально, я имею в виду – множеством вещей, что не сможет все это воспринять глазами, и та коррида, равной которой, может статься, ему уже никогда не доведется увидеть, покажется вполне заурядным событием. Если есть хоть какая-то надежда, что человеку в принципе понравится бой быков, то

в самый первый раз лучше всего сходить на средненькое представление, скажем, с парочкой великолепных быков и четверкой заурядных, чтобы более выпукло подчеркнуть разницу между ними. Пусть там будут три матадора без завышенных гонораров, чтобы любые виртуозные штуки выглядели сложными, без напускной легкости; место лучше бы выбрать не слишком близко к арене, чтобы видеть все сразу, а не переключаться постоянно то на быка и лошадь, то на человека и быка, то на быка и человека – а еще нужен солнечный денек. Без солнца никуда. Теория, практика и собственно зрелище корриды – все это было выстроено из расчета на солнце, и если оно не сияет над ареной, считай, треть боя пропала. Испанцы говорят: «El sol es el mejor torero». Солнце – лучший тореро, и без солнца лучшего тореро нет. Он словно человек без тени.

Глава вторая

Бой быков не является спортом в англосаксонском смысле этого слова; иначе говоря, это не состязание равных и даже не потуга на него в рамках соперничества быка и человека. Скорее, это трагедия о гибели быка, которая разыгрывается – более или менее артистично – быком и человеком, и где для человека присутствует опасность, но уж для животного в любом случае все кончается смертью. Матадор способен управлять степенью этой опасности по мере отдаления или приближения к рогам. Если знать и соблюдать правила пешего боя на ограниченной арене, сформулированные годами практики, то человек получает возможность выполнять определенные действия с быком, не попадая ему на рога; матадор, таким образом, при сближении дистанции все больше и больше зависит от реакции и глазомера. Эта потенциальная опасность, которую человек создает по собственной воле, может привести к гарантированному ранению, если из-за невежества, медлительности, бездеятельности, слепого безрассудства или секундной робости нарушить любое из фундаментальных правил исполнения того или иного суэрте. Все, что делает человек на арене, именуется словом «суэрте». Им очень удобно пользоваться в силу его краткости. Дословно оно означает «действие», но в английском присутствует коннотация с театральным действием, что и ведет к известной расплывчатости.

Люди, впервые побывавшие на корриде, восклицают: «Ну до чего эти быки тупые! Они вечно охотятся не за матадором, а за его за тряпкой!»

Бык охотится за перкалем плаща или алой саржей мулеты лишь в том случае, когда его к этому побуждает человек, причем ткань удерживается так, чтобы бык различал только ее, а не матадора. Вот и получается, что если новичок хочет по-настоящему разобраться в бое быков, ему следует посещать novilladas, или учебные корриды. Там бычки далеко не всегда бегают за красной тряпочкой, а все потому, что молодые тореро лишь набираются опыта, на себе примеряют правила и не всегда помнят, а то и не знают нужные приемы, как зафиксировать внимание быка на приманке, а не на собственной персоне. Одно дело зазубрить правила в принципе, и совсем другое – вспоминать их по мере необходимости, когда остаешься один на один с яростным животным; так что всякий, кому неинтересно судить о манере, которой был побежден бык, а хочется поглазеть лишь на то, как человек летает тряпичной куклой, обливаясь кровью, пусть побывает сначала на новильяде, а уж только затем на corrida de toros, или церемониальном бое быков. И вообще, если интересуетесь техникой, лучше сходить сначала на новильяду, потому что качество внедрения теоретических знаний на практике – уж извините за казенность формулировки – ярче всего проявляется как раз в неудачах. Зритель новильяды может воочию наблюдать ошибки тореро – и чем за них расплачиваются. Он также узнает кое-что о том, в какой степени подготовленность – или необученность – влияет на храбрость.

Помнится, как-то раз, в самый разгар лета, мы сходили в Мадриде на новильяду. День стоял воскресный и до того знойный, что всякий, кто мог себе это позволить, уже покинул столицу, променяв ее на пляжи северного побережья. Из-за жары начало корриды перенесли на шесть вечера; в программу входило убийство шести быков руками трех стажирующихся тореро. Места нам достались в первом ряду, сразу за деревянной загородкой, и когда на арену вылетел первый бык, стало ясно, что Доминго Эрнандорена, коренастый, толстопятый и неуклюжий баск в костюме с чужого плеча, либо сядет в калошу, либо его поднимут на рога; об этом ярко свидетельствовали побелевшее лицо и нервозность тореро-новичка. Он никак не мог совладать с ногами; хотел стоять неподвижно и «вести» быка медленными пассами рук, но при всякой атаке судорожно дергался в сторону. Было видно, что ноги все решали за хозяина. Когда тот пытался замереть точеной статуэткой, ступни тут же впадали в озноб, и Доминго отъезжал от опасности, что вызывало крайнее оживление зрителей. Толпа злорадствовала, понимая, что точно так же поведут себя их собственные ноги при виде нападающего быка; и, как водится, они злились на всякого, кто отважился сунуться на арену, делал там деньги, кто обладал точно такими же физическими недостатками, которые не давали им, зрителям, огребать деньгу лопатой – как о том ходили слухи. Два других матадора, в свою очередь, выделывали всяческие выкрутасы с плащом, и на их фоне Эрнандорена со

своими корчами проигрывал еще заметнее. Он совершенно утратил контроль за нервами. Когда бандерильи уже сидели в холке и настало время выходить с красной мулетой и шпагой, чтобы подготовить быка к закланию и наконец прикончить, толпа, до сих пор ироническими аплодисментами встречавшая любые нервозные движения Доминго, решила, что их ждет нечто особо забавное. Он стоял как раз под нами, когда забирал у помощников мулету со шпагой и полоскал рот водой, и я видел, как играют у него желваки на скулах. Бедолага так и не смог довериться ногам, чтобы они неспешно доставили его к животному. Он знал, что есть лишь один способ не сойти с места на арене. И вот Доминго бегом кинулся к быку, а метрах в десяти рухнул, зарываясь обоими коленями в песок. В этой позе его уже никто не стал бы высмеивать. Он развернул красное полотнище шпагой и судорожно подался вперед на одном колене. Бык глядел на мужчину, на треугольник красной материи; уши торчком, глаза навыкате. Доминго на коленях одолел еще с метр и потряс тряпкой. Бык задрал хвост, уронил голову, ринулся в атаку. Стоило ему достичь мужчины, как тот с колен взметнулся вверх, разворачиваясь в воздухе будто переметная сума, разбросав ноги как попало – и оказался за земле. Бык на него покосился, отвлекся на широкий, тряский плащ другого тореро, кинулся туда, и Доминго распрямился, не смахивая песок с бледной физиономии и разглядывая свою шпагу с мулетой. Тут я и заметил, что плотный, грязно-серый шелк его взятых напрокат бриджей начисто вспорот от бедра чуть ли не до колена и из разреза выглядывает бедренная кость. Он тоже это увидел, чрезвычайно изумился и зажал рану ладонью. Народ посыпался через загородку, чтобы бегом доставить его в лазарет. Доминго допустил техническую ошибку: не удержал красное полотнище мулеты между собой и быком вплоть до начала атаки. В тот миг, когда опущенная голова быка коснется ткани – это называется «момент юрисдикции», – надо откинуть торс назад и, кончиком шпаги по-прежнему удерживая ткань развернутой, обнести мулету полукругом перед собой, чтобы бык, преследуя красную ткань, пронесся мимо.

Тем вечером в таверне я не услышал ни словечка сочувствия в его адрес. Он был безграмотен, вял и совершенно не в форме. Зачем он так рвался в матадоры? Чего ради повалился на колени? А потому что трус, говорили кругом. Колени для трусливых. Но если он трус, почему настаивал на такой профессии? Его неподконтрольная нервозность не вызывала сострадания, потому что он был актером и получал за это плату. Чем бегать от быка, куда лучше пускать таким кровь. Напороться на рога – это достойно; ему бы посочувствовали, кабы он попался в один из своих судорожных отскоков, которые хоть и вызывали издевку, но – здесь все сходились – были вызваны недостаточной практикой; а падать на колени! это уж форменное безобразие! Потому что из-за страха

перед быком сложнее всего управлять как раз ногами и ждать; вот почему любые потуги на самоконтроль достойны уважения, хотя народ над ними и глумился: уж очень это выглядело потешно. Но когда он упал на оба колена, не владея техникой боя из такого положения – техникой, которой владеет Марсиаль Лаланда, истинный «профессор» среди всех ныне живущих тореро; техникой, которая и делает эту позицию достойной, – то тем самым Доминго Эрнандорена открыто признал собственную нервозность. Вести себя нервически не зазорно; зазорно лишь это признавать. Когда матадор падает перед быком на оба колена вследствие нехватки техники и тем самым признает неспособность управлять своими ногами, толпа испытывает к нему сочувствия не больше, чем к самоубийце.

Для меня лично, коль скоро я не тореро, к тому же весьма интересуюсь самоубийствами, эта проблема носила чисто описательный характер, и, периодически пробуждаясь той ночью, я все пытался понять, чего же не хватает в моих воспоминаниях, что? же в действительности случилось на моих глазах. И, припомнив все обстоятельства, я наконец ухватил ответ. Когда Доминго поднялся – физиономия бледная, перепачканная, шелк бриджей распорот от пояса до колена, – я на фоне грязи его штанов и подштанников увидел чистую-пречистую, невыносимо чистую белизну бедренной кости. Вот что было важно.

Кроме того, помимо изучения техники и последствий ее нехватки, на новильядах есть шанс познакомиться с тем, как поступают с дефектными быками, потому что животных, не годящихся для церемониальной корриды, убивают в учебных боях. У почти всех быков в ходе боя выявляются те или иные недостатки, на которые матадор вынужден делать поправку, однако на новильядах эти изъяны, к примеру, по зрению, во много раз очевиднее с самого начала, так что легко понять, как и в какой степени они компенсируются и каковы результаты ошибок такого процесса.

Церемониальная коррида – это трагедия, а не спорт, и бык гибнет наверняка. Если матадору не удается его убить за отведенные четверть часа, животное выводят с арены под шумные приветствия, чтобы лишний раз опозорить неудачника, после чего, как гласит закон, бык должен быть умерщвлен на скотном дворе. Сам matador de toros, или профессиональный тореро, тоже может погибнуть, но лишь при шансах один к сотне, если только он не малоопытен, невежественен, потерял форму или слишком стар и неповоротлив. Поднимать накал схватки матадор должен в пределах, обеспечивающих его собственную безопасность. Другими словами, ему зачтется в плюс, если он проведет некий

известный ему прием в крайне рискованной, но все же геометрически допустимой манере. И напротив, зачтется в минус, если он пойдет на риск из-за невежества, презрения к основополагающим правилам, физической или психической медлительности или слепого безрассудства.

Матадор должен одержать верх за счет знаний и техники. Когда это сделано с изяществом, зрелище просто бесподобное. Физическая сила почти не играет роли, исключая собственно миг убийства. Однажды у пятидесятилетнего «Эль Галло», Рафаэля Гомеса, старшего брата Хосе Гомеса по прозвищу Галлито, то есть Петушок, последнего представителя знаменитой цыганской династии матадоров, поинтересовались, какими упражнениями он ухитряется поддерживать силу для такого ремесла.

– Сила? – переспросил Эль Галло. – На кой черт она мне нужна? Бык с полтонны весом. Прикажете упражняться, чтобы мериться с ними силенками? Если быку нужна сила, пусть он и тренируется.

Если бы быкам позволяли набираться опыта, как это делают тореро, если бы быков, продержавшихся пятнадцатиминутку на арене, не убивали потом за кулисами, а напротив, вновь выпускали на бой, то они перемололи бы всех матадоров до единого. Коррида на том и основана, что это первая встреча дикого животного и пешего человека. Вот фундаментальная предпосылка современного боя быков, а именно, что бык впервые попадает на арену. Во дни оны разрешалось неоднократно использовать одного и того же быка, и в результате столько положили народу, что 20 ноября 1567 года Пий Пятый издал папскую буллу, отлучавшую от церкви любого властителя, который допускает в своих землях корриду, и запрещавшую хоронить по христианскому обычаю тех, кто погиб на арене. Впрочем, несмотря на эдикт, коррида в Испании продолжалась, и церковь в конечном итоге смирилась с этим обычаем, – при условии, что бык появится на арене один-единственный раз.

Вы, наверное, уже готовы решить, что, если бы быкам позволяли выходить на бой неоднократно, это превратило бы корриду в подлинный спорт. Что ж, я видел, как сражаются такие быки – да, в нарушение закона – в заштатных городках, на рыночных площадях, которые превращают в импровизированные арены, огородив их по периметру телегами. Такие бои называются capeas, и они нелегальны, если быки используются вновь. Тореро-стажеры, у которых нет финансовой поддержки, приобретают свой первый опыт именно на capeas. Это – спорт, дикий и примитивный, причем, по большей части, воистину любительский.

Боюсь, однако, что из-за серьезного риска смерти он никогда не приживется в Америке и Англии, где спортсмены-любители увлекаются играми. Я не имею в виду игру со смертью, где нас пленяет ее близость и шанс уклониться. В играх пленяет победа, а уклонение от смерти мы подменяем уклонением от поражения. Вырисовывается симпатичный символизм, но надо иметь cojones[2 - Тестикулы (исп.).] повнушительней, когда одним из принципиальных участников игры становится смерть. На капеях бык погибает редко. Провинциальные городишки зачастую слишком бедны, чтобы позволить себе гибель быка, да и никто из начинающих тореро не может купить шпагу, в противном случае они бы и не проходили свои университеты на капеях. Зато у богатого спортсмена здесь хороший шанс, коль скоро он может оплатить и быка, и личную шпагу.

Механика психического развития быка, однако, не позволяет добиться великолепного зрелища от быка-ветерана. После первого нападения он замирает на месте и повторяет атаку лишь в том случае, если уверен, что поймает на рога мужчину или мальчишку, который дразнится плащом. Если на площади целая толпа, бык выбирает себе одного человека и гоняется за ним, пока не подбросит в воздух, и не важно, на какие финты, уклонения или уловки пускается при этом облюбованная жертва. Если кончики рогов затуплены, то довольно забавно наблюдать за такими догонялками и подбрасываниями. Силком к быку никого не затаскивают, хотя, разумеется, те, кому не очень туда хочется, идут, лишь чтобы показать свою храбрость. Вышедшие на площадь переживают крайнее возбуждение; это один из критериев подлинно любительского спорта: игрок должен получать эмоций больше, чем зритель (а как только плата за зрелище становится прибыльной при условии, что и зрителю нравится, в спорте появляются зачатки профессионализма), и малейшее свидетельство невозмутимости или самообладания немедленно вызывает аплодисменты. Но когда рога остры, от такого зрелища становится не по себе. Мужчины и мальчишки пробуют имитировать работу с плащом, пользуясь мешковиной, рубашками и старыми плащами точно так же, как и в случае затупленных рогов; единственное отличие – это то, что с рогов они наверняка слетят с такими ранами, которые будут не по зубам местному хирургу. Один из быков-фаворитов на валенсийских капеях погубил за пять лет шестнадцать мужчин и мальчишек, а изранил свыше шести десятков. Участниками капей порой становятся начинающие профессионалы, желающие набраться опыта забесплатно, но в основном это любители, кого влечет чисто спортивный азарт, возбуждение, ну и ретроспективное удовольствие: приятно будет вспомнить собственное презрение к смерти, продемонстрированное знойным деньком на площади родного города. Многие участвуют из гордыни, в надежде обрести храбрость. Многие выясняют, что храбрости в них ни на грош, но они хотя бы там

побывали. Проку им от этого никакого, если не считать внутреннего удовлетворения: мол, я был на арене с быком; такая вещь навсегда врезается в память. Странное чувство: видеть, как на тебя несется разъяренное животное, вполне осознанно стремящееся тебя прикончить; чудище не сводит с тебя глаз, и с каждым мигом все ближе становится тот опущенный рог, на который оно хочет тебя насадить. Эмоции при этом возникают весьма острые, и всегда отыщутся те, кто примет участие в капее из гордости, дабы вспомнить потом свои попытки опробовать тот или иной прием корриды с настоящим быком, хотя в тот миг удовольствия бывает мало. Порой быка убивают, если у городка есть деньги или если народ выходит из-под контроля; все разом набрасываются на него с ножами, кинжалами, мясницкими тесаками и булыжниками; кто-то виснет у быка между рогами и подскакивает вверх-вниз; целая команда обязательно ухватит его за хвост; словом, навалится настоящая свора из рубщиков и закольщиков, пока бык не закачается и не рухнет. Всякое любительское или групповое убийство – вещь предельно варварская, грязная, хотя и возбуждающая; здесь до ритуала церемониальной корриды очень далеко.

Того быка, который погубил шестнадцать и ранил шестьдесят человек, убили весьма нетрадиционным образом. Одной из его жертв оказался цыганенок лет четырнадцати. Брат и сестра парнишки решили отомстить, затеяв прикончить быка, скажем, когда он будет сидеть в своей клетке после очередной капеи. Дело трудное, так как за столь ценным животным тщательно присматривали. Они ходили за ним по пятам целых два года; ничего не предпринимали, просто появлялись на всех представлениях. Когда капеи вновь запретили – а их то и дело запрещают, раз за разом, особыми правительственными указами, – владелец быка решил сдать его на мясо где-то в Валенсии, тем более что и возраст подходил. Цыгане пришли на эту бойню, и молодой человек испросил разрешения умертвить быка, объяснив, что тот убил его брата. Начал он с того, что выковырял быку оба глаза, пока тот находился в своей клетке, после чего старательно наплевал в пустые глазницы и, перерубив наконец шейный позвонок кинжалом (правда, не без трудностей), отрезал быку тестикулы. Разведя костер на обочине пыльной дороги, брат и сестра насадили бычьи гонады на прутики и, поджарив, съели их. После чего развернулись к скотобойне спиной и покинули город.

Глава третья

В современном церемониальном бое быков, или corrida de toros, обычно участвуют шесть быков, которых убивают три человека. На каждого по два быка. По закону, быкам должно быть от четырех до пяти лет, физические недостатки не допускаются, средства вооружения – рога – острые. Животных перед боем осматривает муниципальный ветеринар. Ему предписано отбраковывать слишком молодых или недостаточно «вооруженных» бычков, да и вообще всех тех, у кого что-то не так со зрением или рогами, заметны болезненные симптомы или телесные недостатки, например, хромота.

Люди, которые их убивают, именуются матадорами, а какие именно быки им достаются, решает жребий. На каждого матадора работает команда-квадрилья из пяти-шести человек, исполняющих его приказы; их труд он оплачивает из собственного кармана. Трое из этих людей, которые ассистируют ему пешими, подают плащи и по его отмашке втыкают бандерильи (трехфутовые дротики с гарпунным наконечником), которые называются пеонами или бандерильеро. Остальные двое, которые работают на арене верхом, называются пикадорами.

В самой Испании слово тореадор не в ходу. Это устаревший термин, и относился он к тем аристократам, которые до появления профессиональной корриды убивали быков из спортивного интереса, к тому же верхом. Любой, кто участвует в бое быков за деньги, будь то матадор, бандерильеро или пикадор, именуется тореро. Тот, кто убивает быка копьем, сидя в седле чистокровной и специально обученной лошади, называется рехонеадор или кабальеро де пласа. На испанском бой быков называется коррида де торос, дословно, «бег быков». Арена именуется пласа де торос.

Утром в день боя представители каждого матадора, как правило, их старшие или облеченные наибольшим доверием бандерильеро, встречаются на скотном дворе арены, где уже расквартированы быки, предназначенные для вечернего зрелища. Они осматривают животных, сопоставляют их размеры, вес, высоту в холке, длину, ширину захвата и остроту рогов, а также состояние шкуры. Последний из перечисленных показателей вполне надежно позволяет оценить общее физическое состояние и, в какой-то степени, боевитость. Признаков, дающих возможность точно определить боевитость, не существует, в то время как симптомов возможной трусости имеется немало. Доверенные бандерильеро расспрашивают скотника-вакьеро, который сопровождал животных во время их доставки с фермы (и который, пока они находятся в его ведении, называется майораль), о качествах и норове каждого быка. По итогам обсуждения животные делятся на три лота по два быка; при этом в каждом лоте желательно иметь по

одному хорошему и одному плохому быку – хорошему и плохому с точки зрения тореро. Хороший бык не слишком велик, не слишком силен, не слишком рогат, не слишком рослый в холке; самое главное, чтобы у него было хорошее зрение, хороший отклик на цвет и движение, он должен быть боевитым и атаковать в лоб. Плохой бык, опять-таки с точки зрения тореро, слишком большой, слишком старый, слишком мощный, со слишком широко расставленными рогами; плохим быком прежде всего считается такой, кто не реагирует на цвет или движение, кому недостает отваги, или его свирепость быстро угасает, так что тореро не может сказать, как и когда тот бросится в атаку. Представители – по большей части коротышки в кепках, еще небритые с утра, со всевозможными акцентами, но с одинаково жестким взглядом – спорят и совещаются. У номера двадцать рога шире, чем у сорок второго, зато сорок второй весит на две арробы (полсотни фунтов) больше шестнадцатого. Сорок шестой ростом с кафедральный собор; если его окликнуть, он вскидывает морду от кормушки, а у восемнадцатого шкура в крапинку, и он может оказаться робким как вол. Когда, после долгих пререканий, лоты определены и номера быков, проставленные у них на пашине, записаны на трех бумажках для самокруток, бумажки скатывают и бросают в кепку. Крапчатого труса поставили в пару с черным быком среднего веса, обладателем лоснящейся шкуры и не слишком длинных рогов. Ходячий кафедральный собор оказался в компании с номером шестнадцать, который хоть и невелик (его едва пропустил ветеринар) и не обладает яркими характеристиками, воплощает собой идеал полубыка, то есть животного, которое выглядит как бык-мечта, но без его развитой мускулатуры и знаний, как пользоваться рогами. Широченные и острые, как шило, рога двадцатого скомпенсированы скромностью габаритов сорок второго, которому своей миниатюрностью уступает лишь номер шестнадцать. Мужчина, кому доверена кепка, трясет ее, каждый представитель запускает туда смуглую руку и вытягивает плотно скрученную папиросную бумажку. Листочки разворачивают, зачитывают вслух, порой бросают последний взгляд на вытянутую парочку и, отправившись в гостиницу, сообщают матадору, кого именно тот должен убить.

В каком порядке сражаться с быками, решать матадору. Он может взять худшего на затравку, надеясь при этом реабилитироваться за счет второго быка, если поначалу дела пойдут неважно. Или, выступая последним по счету, он может поставить лучшего быка в начало, поскольку знает, что когда к шестому животному наступят сумерки и зрителей потянет разойтись, ему простят быстрое, незатейливое убийство, если бык окажется трудным.

Матадоры убивают своих быков в порядке старшинства, которое определяется по дате посвящения в матадоры де торос на мадридской Пласа. Раньше, если

матадор получал настолько серьезную рану, что не мог вернуться к бою, его быки переходили к самому старшему из остальных матадоров; сейчас их делят между обоими оставшимися.

Обычно бой быков назначают на пять или половину шестого вечера. В тридцать минут пополудни происходит апартадо. Это разводка отобранных быков по индивидуальным загонам-чикеро, где они дожидаются своего выхода на арену в уже установленном порядке. Вопреки утверждениям кое-каких путеводителей по Испании, быков вовсе не лишают корма и воды, да и не заставляют несколько дней кряду томиться в темноте. В сумраке чикеро животные содержатся не более четырех часов. После вывода со скотного двора их не кормят лишь потому, что и боксеру перед схваткой не дают утяжелять себя пищей, а что касается тесноватых и полутемных загонов, то это делается для упрощения их вывода на арену, и, кроме того, чтобы они в такой обстановке отдохнули и успокоились.

Обычно на апартадо присутствуют сами матадоры, их друзья и представители, администрация арены, сотрудники органов власти и незначительное число обычных зрителей. Чаще всего матадор именно в ходе апартадо знакомится с быками, которых ему предстоит убить через несколько часов. В большинстве случаев численность зрителей удерживается ценой пригласительных билетов, по пять песет. Причина в том, что администрация не хочет, чтобы зрители «заводили» быков своими выкриками, не то те возьмутся разносить двери, загородки, а то и вовсе бросаться друг на друга. Подобные беспорядки на скотном дворе могут закончиться сломанными рогами или даже увечьями, так что администрации придется менять быков за собственный счет, а это обходится в пару сотен долларов за животное. Многие ценители и зеваки убеждены, что способны разговаривать с быками ничуть не хуже, а то и лучше тореро-профессионалов. Стоя в безопасности за высокой загородкой или стеной скотного двора, они пытаются привлечь к себе внимание, подражая гортанным «гху! гху! гху!», которыми пользуются пастухи и тореро. Если бык в загоне вскидывает громадную голову, увенчанную мощными заостренными рогами, если мышцы загривка и лопаток, спокойно лежавшие тяжелыми пластами, вдруг начинают ходить волнами под черным, заволошенным глянцем шкуры, если ноздри раздуваются и он принимается дергать головой, поводя рогами и отыскивая глазами источник звука, то любитель бычьего говора считает, что добился удачи. А вот когда бык ринется в атаку по направлению к этому зрителю, вопьется рогами в доску, то здесь и вовсе триумф. Чтобы ограничить успехи и не допустить триумфов, администрация распродает билеты по пять песет, исходя из теории, что любому, кто способен заплатить пятерку, чтобы увидеть, как сортируют быков, чувство личного достоинства не позволит

окликать животных до начала боя.

Гарантировать такой результат невозможно, и в ряде мест, где корриды устраивают не чаще раза в год, зрители готовы выложить пятерку за апартадо, лишь бы поупражняться в говорении на бычьем языке. Но пять монет снижают интенсивность, в общем-то, трезвой речи. На пьянчужек быки обращают мало внимания. Уж сколько раз я был свидетелем пьяных выкриков, но никогда не видел, чтобы бык на это отреагировал. Пятипесетная атмосфера достоинства в таких городах, как Памплона, где на лошадиных ярмарках за эту же сумму можно дважды получить выпивку и целый обед, служит залогом благоговейной тишины на апартадо. Как в церкви. В Памплоне только очень богатые и гордые платят по пять песет, чтобы поглазеть на развод быков по загонам. Впрочем, в других местах обстановка может быть совсем иной. Никогда не видел, чтобы она совпала в разных городах. После сортировки быков все отправляются в кабачок.

Собственно бой происходит на песчаной арене за красной деревянной оградой высотой чуть более четырех футов. Эта ограда именуется барре?ра. За ней расположен узкий кольцевидный проход, который отделяет арену от первого ряда зрительских мест. Этот проход называется кальехо?н. В нем стоят ассистенты матадора с кувшинами, обтирочными губками, стопками мулет и шпагами в тяжелых кожаных чехлах; с ними соседствуют рабочие арены, разносчики пива и шипучки, продавцы замороженных фруктов, чьи сетчатые упаковки плавают в цинковых ведрах со льдом и водой; лотошники с присоленным миндалем, арахисом и выпечкой в плоских корзинках. Там же стоят свободные в данный момент тореро и дежурит полиция в штатском, готовая в любой момент перехватить любителей, вздумавших выскочить на арену. На несъемных, защищенных оградой сиденьях размещаются врачи, рядом плотники для срочного ремонта барреры, а также представители органов власти. На некоторых аренах фотографам разрешено перемещаться по кальехону; в других городах они обязаны делать снимки только с отведенных для прессы мест.

Зрительские места не прикрыты навесом, за исключением лож (па?лькос) и первой галереи (гра?да). От галереи сиденья спускаются к арене амфитеатром из кольцеобразных рядов. Эти ряды пронумерованных сидений называются тенди?дос. Два ближайших к арене ряда именуются, соответственно, баррера и контрабаррера. Третий по счету ряд известен под названием деланте?рас де тендидо. Для целей нумерации весь амфитеатр поделен на секторы: тендидос 1, 2, 3 и так дальше вплоть до 11 и 12 в зависимости от размера арены.

Отправляясь на корриду впервые, лучше всего выбирать места согласно собственному темпераменту. Из ложи или первого ряда крытой галереи доступны далеко не все нюансы звуков, запахов и тех признаков, которые говорят об опасности, однако отсюда лучше виден бой в целом, то есть как спектакль; и если коррида удалась, велики шансы, что здесь ты получишь больше удовольствия. А вот если бой неудачный, другими словами, в нем нет артистизма, лучше бы оказаться поближе: уж коли не получится восторгаться зрелищем в целом, можно хотя бы познакомиться с его отдельными деталями, этими «отчего» да «почему». Ложи и галерея предназначены скорее для тех, кто не хочет расстраиваться от чрезмерной близости к кое-каким вещам; и для тех, кто хочет видеть бой быков как постановочный спектакль, ярмарочную инсценировку; а также для экспертов, которые умеют различать детали даже на приличном расстоянии, но при этом должны сидеть высоко, чтобы в любой момент иметь обзор любой точки и тем самым судить о бое в целом.

Места на баррере – идеальный выбор, если хочется видеть и слышать все, что творится, и быть к быку настолько близко, чтобы смотреть на него чуть ли не глазами тореро. Здесь действо до того рядом и в нем так много деталей, что всегда интересен даже такой бой, от которого потянет ко сну в ложах или на балконе. Именно с барреры можно увидеть и научиться по достоинству оценивать опасность. Мало того, здесь ничто не мешает тебе следить за ареной. Если не считать переднего ряда на галерее и в ложах, то, кроме барреры, между тобой и ареной не будет людей лишь в том случае, если ты оказался на местах, именуемых собрепуе?ртас. Это сиденья, устроенные над входами в зрительские сектора. Они расположены примерно на половине высоты амфитеатра, отсюда открывается удачный вид на арену; билет стоит в два раза дешевле, чем на барреру или в первый ряд галерей или лож, хотя места отменные.

Западные стены отбрасывают тень, и те трибуны, которые находятся в этой тени на момент начала боя, именуются со?мбра. Трибуны, которые на начало боя были на солнце, но потом окажутся в тени, называются солисомбра. Стоимость места определяется его расположением и наличием тени. Дешевле всего билеты на самые верхние места крытых трибун на вечном солнцепеке. Они известны под именем андана?дас дель соль, и в солнечный день там царит что-то невообразимое, особенно в таких городах, как Валенсия, где температура может достигать 104 градусов[3 - 40 °С.] по Фаренгейту в тени; с другой стороны, места на солнечной половине (соль) неплохи в пасмурную или промозглую погоду.

Если идешь на корриду впервые, да к тому же в одиночку, когда не у кого спросить совета, садиться лучше в передний ряд галереи (делантера де града) или собрепуертас. Если туда не удается попасть, всегда есть билеты в ложу. Это наиболее дорогие места, расположены дальше всего от арены, зато с них открывается отличная панорама боя. Если идешь в компании знатока и хочешь чему-то научиться, особо не волнуясь при этом за чрезмерно натуралистичные детали, то идеально взять билет на барреру. Не получается? – тогда на контрабарреру; ну и третий наилучший выбор – это собрепуертас.

Для женщин такой совет: если тянет посмотреть корриду, но боязно, как это зрелище на вас скажется, при самом первом посещении не надо садиться ближе галереи. Возможно, бой понравится, когда видишь его как спектакль, в то время как на более близком расстоянии удовольствие может пропасть.

Если денег в достатке и хочется не то что посмотреть бой, а просто побывать на нем и в любом случае – хоть понравилось, хоть не понравилось – уйти после первого быка, то сделайте доброе дело: купите билет на барреру, чтобы кто-то не столь богатый мог быстренько перескочить на ваше дорогущее место, когда вы отправитесь восвояси вместе со своими предубеждениями.

Некогда все так и происходило в Сан-Себастьяне. Из-за хитроумных схем перепродажи билетов, из-за того, что администрация в первую очередь делала ставку на любопытствующих богачей из Биаррица и с Баскского побережья, билеты на барреру стоили от сотни песет за место и выше. На такие деньги можно неделю жить и столоваться в мадридском пансионе, четыре раза сходить в Прадо, купить неплохие места на солнечной стороне на парочку коррид, посидеть после боя с вечерней газетой за пивом и креветками в Пасахэ-де-Альварес близ улицы Виктории, да к тому же фланировать в начищенных штиблетах. И тем не менее, купив любое место в радиусе нырка от сан-себастьянской барреры, ты мог быть уверен, что плюхнешься на сиденье в сотню песет, когда граждане, считавшие своей моральной обязанностью покинуть арену после первого быка, поднимались на выход: упитанные, «черепокостяшные» и «опоросяченные», пляжно-загорелые, упакованные во фланелевые костюмы, прикрытые панамами, в ботинках на каучуковом ходу. Сколько раз я видел таких – уходящих, – в то время как их спутниц тянуло остаться. Да, они побывали на бое быков, но ведь после первого заклания назначена встреча в казино. Если человек не уходит и ему нравится, стало быть, с таким типом что-то не так. Уж не извращенец ли? Ну а с ними-то все в порядке. Они уходили всегда. Вернее, пока коррида не стала считаться благопристойной.

В девятьсот тридцать первом я не заметил ни одного такого случая, и сейчас, похоже, славным денькам бесплатных мест на баррере в Сан-Себастьяне пришел конец.

Глава четвертая

Для полнейшего новичка нет боя лучше, чем новильяда, а лучшие новильяды можно увидеть только в Мадриде. Их сезон обычно начинается в середине марта, устраиваются они по воскресеньям и, как правило, четвергам вплоть до Пасхи, когда стартуют главные бои, то есть корриды. Итак, после Пасхи в Мадриде открывается первый абонементный сезон протяженностью в семь боев. На всю серию продаются абонементные книжки, а лучшие места всегда зарезервированы чуть ли не на несколько лет вперед. Идеально усесться на баррере посредине сомбры, то есть в тени, напротив того места, где матадоры вешают свои плащи на красную деревянную ограду. Там же стоят свободные в данную минуту тореро; именно сюда подводят быка, когда начинается работа с мулетой; сюда же возвращаются матадоры, чтобы смыть кровь после убийства. Заполучить сюда билет – все равно что оказаться в углу боксерского ринга во время боя или на скамейке запасных игроков на бейсбольном или футбольном матче: здесь можно видеть и слышать все.

Нечего и рассчитывать, что удастся купить билет на одно из таких сидений как в первый, так и второй мадридский абоно, то есть абонементный сезон, однако это возможно для новильяд, которые проводятся, как я уже говорил, каждое воскресенье и, зачастую, четверг. Новильяды устраиваются не только до начала, но и во время, а также по окончании сезона больших боев. Когда покупаешь место на барреру, надо поинтересоваться, мол, куда кладут матадорские плащи – «?Adonde se ponen los capotes?», – после чего попросить билет как можно ближе. В провинции кассир может наврать и, наоборот, сбагрить наихудшее место, однако есть шансы, что он продаст самое лучшее, увидев иностранца, который не только хочет отменное место, но и знает, где оно расположено. Больше всего таких врунов мне встречалось в Галисии, где вообще, если честно, трудно вести любые дела, зато лучше всего со мной обходились в Мадриде и – вы не поверите! – в Валенсии. Почти в любом городе Испании имеется абонементная касса, а также контора перекупщиков, или реве?нта. Эти маклеры выкупают у администрации арены все или почти все нераспроданные места, после чего перепродают их с двадцатипроцентной накруткой. Администрация

любит иметь с ними дело, потому что удается гарантированно сбыть все билеты, пусть барышники и выкупают их со скидкой. Если не все места раскуплены, то убытки несет ревента, а не пласа де торос, – хотя обычно администрация все равно ухитряется терять кругленькие суммы тем или иным образом. Вам, скорее всего, придется обращаться как раз в контору перекупщиков, потому что надо жить в том городе, чтобы успеть на открытие абонементной продажи; мало того, у прежних владельцев есть преимущественное право обновлять свои абонементы; продажа может проходить за две-три недели до боя, к тому же в каком-то малодоступном месте, которое открыто, скажем, только с четырех до пяти часов пополудни.

Если вы живете в том городе и твердо решили сходить на бой быков, покупайте билет немедленно. Отнюдь не исключено, что в мадридских газетах вообще ничего не появится о предстоящем бое, за исключением крошечного объявленьица под заголовком Plaza de Toros de Madrid в разделе зрелищ (Espectaculos). В испанских газетах не принято заранее писать про бои быков, кроме разве что в провинции. Однако в любой точке страны можно видеть цветные рекламные афиши, где указывается число быков, имена тех, кто их убьет, название бычьей фермы, состав квадрилий, а также дата и место проведения боя. Обычно дается и прейскурант на различные места. Приобретая билеты в ревенте, добавьте к цене двадцать процентов.

Если хочется увидеть бой быков именно в Испании, то в столице они проводятся каждое воскресенье с середины марта по середину ноября, хотя многое зависит и от погоды. Зимой коррид практически не бывает, за очень редким исключением Барселоны, Малаги и Валенсии. Первая церемониальная коррида года проходит в валенсийском Кастельон-де-ла-Плана в конце февраля или начале марта в период местных празднеств Ла-Магдалена, а вот последний бой года обычно имеет место в Валенсии, Жероне или Ондаре в первой половине ноября; впрочем, в плохую погоду ноябрьские бои не устраиваются. Что касается Мехико, то здесь корриды происходят каждое воскресенье, начиная с октября по апрель включительно. Новильяды проводятся весной и летом. В других уголках Мексики даты начала и окончания сезона боев разнятся. Возвращаясь к Испании, в нестоличных городах дни коррид строго не определены (за исключением Барселоны, где они проводятся почти столь же регулярно, что и в Мадриде), хотя в общем и целом они приурочены к национальным религиозным праздникам, местным ярмаркам-фериям, которые обычно устраиваются в день святого-покровителя города. В приложении к этой книге я привел календарный перечень крупнейших ферий Испании, Мексики, а также Южной и Центральной Америки, когда проводят корриды. Вы не поверите, до чего легко упустить шанс

попасть на бой быков за двух- и даже трехнедельное пребывание в Испании, но благодаря вышеупомянутому календарю любой сможет побывать на корриде, если окажется в нужном городе в фиксированную дату, – если, опять-таки, позволит дождь. А уже после первого посещения вы сами поймете, захочется ли видеть такое вновь.

Помимо мадридских новильяд и двух абоно, отменный шанс увидеть серию боев ранней весной дает севильская ферия, где корриды устраивают по меньшей мере четыре дня подряд. Конкретно эта ферия выпадает после Пасхи. Окажетесь в Севилье на пасхальные праздники, спросите у любого, когда начинается ферия, – или разыщите рекламную афишу-картель. Если находитесь в Мадриде перед Пасхой, загляните в любое кафе в районе Пуэрта-дель-Соль или же в любой кабачок по правую руку на Пласа-де-Каналехас, когда спускаетесь по Калье-де-Сан-Херонимо от Пуэрта-дель-Соль в сторону Прадо: там на стене вы увидите афишу с датой севильской ферии. А если дело происходит летом, в тех же кафе вы найдете афиши про корриды на фериях таких городов, как Памплона, Валенсия, Бильбао, Саламанка, Вальядолид, Куэнка, Малага, Мурсия и многих других.

В Христово воскресенье всегда устраиваются бои в Мадриде, Севилье, Барселоне, Мурсии, Сарагосе, а новильяды – в Гранаде, Бильбао, Вальядолиде и многих иных местах. В понедельник после Пасхи обязательно проводится коррида в Мадриде. Ежегодно 29 апреля можно видеть бой на ярмарке в Херес-де-ла-Фронтера. Вообще, этот городок стоит того, чтобы там побывать и без корриды; здесь родина хереса и всего прочего, что из него делают. Вас проведут по винным погребам, где можно перепробовать разные сорта вин и бренди, – но лучше не в день корриды. В Бильбао будет два боя первого, второго либо третьего мая в зависимости от того, на какую из этих дат выпадает воскресенье. Вот удачная возможность посмотреть корриду, если вы остановились на Пасху, скажем, в Биаррице или Сен-Жан-де-Люзе. В Бильбао ведет отличная дорога из любого места на Баскском побережье. Это богатый и неказистый шахтерский город, где жара не уступает Сент-Луису – хоть американскому, хоть сенегальскому, – и где обожают быков и терпеть не могут матадоров. Если кто-то из тореро все же заинтересует местных жителей, они примутся покупать для него все более крупных быков, пока наконец с ним не случится катастрофа либо психическая, либо физическая. И тогда бильбаоский афисьонадо воскликнет: «Ну, убедились? Все они трусы и мошенники. Стоит подыскать бычка в теле, как он сразу ставит их на место». Если хотите узнать, что такое действительно крупный бык, насколько громадными могут быть его рога, каким взглядом он окидывает зрителей, какой злой может быть толпа и до чего она способна

довести матадора – езжайте в Бильбао. В мае, правда, быки не такие огромные, как в середине августа, когда открывается ярмарочный сезон из семи коррид, зато в мае не так жарко. А если вы не возражаете против зноя – и я говорю здесь про дикую, удушливую, прямо-таки свинцово-цинковую жару, – если хотите увидеть колоссальных, до изумления статных быков, тогда августовская ферия в Бильбао для вас самое место. Единственная другая майская ферия с тремя корридами и более проводится в Кордове; впрочем, 16 мая всегда устраивается бой в Талавере-де-ла-Рейна, 20-го – в Ронде, а 30-го – в Аранхуэсе.

Из Мадрида в Севилью автомобилисты могут добраться двумя путями. Один ведет через Аранхуэс, Вальдепеньяс и Кордову и называется андалусийским большаком, а другой, проходящий через Талаверу-де-ла-Рейна, Трухильо и Мериду, именуется эстремадурским шоссе. Окажетесь в столице в мае, езжайте на юг по Эстремадуре и 16-го числа увидите бой в Талавере-де-ла-Рейна. Дорога отличная, без выбоин, слегка холмистая. Талавера – замечательное местечко в ярмарочный сезон, а быки (практически всегда с местной фермы, где в хозяйках вдовствующая сеньора Ортега) крупноватые, свирепые, трудные для работы и опасные. Именно здесь 16 мая 1920 года погиб Хосе Гомес-и-Ортега по прозвищу Галлито или Хоселито, пожалуй, виднейший матадор всех времен. Вообще-то знаменитость к быкам вдовы Ортега пришла как раз из-за этой трагедии; так как они не дают великолепного боя в силу своих габаритов и опасности, нынче их убивают матадоры не самого высокого полета.

От Мадрида до Аранхуэса лишь сорок семь километров по покатому как биллиардный стол шоссе. Деревья-великаны и пышные сады стоят вдоль речной стремнины в оправе из бурых равнин и холмов. Тамошние аллеи не уступают растительному фону полотен Веласкеса, и тридцатого мая, если есть деньги, туда можно податься за рулем собственного автомобиля или же приобрести железнодорожный билет третьего класса в оба конца со скидкой; в крайнем случае добраться на автобусе (есть такой, рейсовый, ходит от улицы Виктории напротив Пасахэ-де-Альварес). Покинув прокаленную солнцем пустынную местность, вдруг попадаешь под сень деревьев, видишь голоруких смуглянок с корзинами свежей клубники на гладкой, прохладной глине; а ягоды такие, что не обхватишь большим и указательным пальцами – чуть влажные, холодненькие, лежат себе на зеленых листьях в корзинках из ивняка. И молодки, и старухи продают эту клубнику, а еще связки чудеснейшей спаржи – стебли толщиной с большой палец – ватагам пассажиров с мадридских и толедских поездов, рейсовых автобусов, не забывая про автомобилистов. Можешь перекусить у ларьков, где жарят стейки и цыплят на углях, а за пять песет тебе в горло вольют хоть все вино Вальдепеньяса. Поваляйся в теньке, а хочешь – броди да

глазей по сторонам, пока не наступит час корриды. Где искать прочие достопримечательности, подскажет Бедекер.

Арена для боя быков находится в дальнем конце раскаленной пыльной улицы, что тянется под солнечным зноем из прохладной лесной тени городских кварталов; профессиональные калеки, вдохновители омерзения и жалости, что кочуют по испанским городам и весям вслед за ярмарками, выстраиваются вдоль этой дороги, помахивая култышками, тыча прохожим под нос свои язвы, выпячивая чудовищные уродства и держа кепки в зубах, когда их больше нечем держать, так что на бой быков тебя, можно сказать, гонят через строй уродов. Город от центра до окраины – это Веласкес, а потом вплоть до арены идет неразбавленный Гойя. Собственно арена была здесь еще до Гойи. Симпатичное строение в стиле старой пласа де торос в Ронде; там можно усесться в тени на баррере, попивать вино и заедать его клубникой, повернувшись спиной к песку, следя за тем, как молоденькие сеньориты из Толедо и прочих уголков Кастилии заполняют ложи, как вывешивают на перильца свои шали, рассаживаются и, беспрерывно обмахиваясь веерами, улыбаются и щебечут с милой стыдливостью провинциальных красавиц, отлично сознающих, что сейчас их разглядывают сотни глаз. Для зрителя этот ритуал не менее важен, чем сам бой быков. Близорукие могут носить с собой бинокль, хоть оперный, хоть полевой. Рекомендуется уделить внимание всем ложам без исключения. Удачный бинокль пойдет только на пользу. Он разнесет по щепочкам образ кое-каких умопомрачительных раскрасавиц, которые появляются в белоснежном облаке кружевных мантилий, с высокими шиньонами, изумительным цветом лица и в чудесных шалях, – в то время как сквозь оптику ты увидишь золотые коронки и припудренную муко?й смугловатость той матроны, что, возможно, попалась тебе на глаза прошлой ночью в несколько ином месте, а вот сейчас пришла, чтобы лишний раз прорекламировать свое заведение. С другой стороны, в одной из лож, где ты бы ничего не разобрал без бинокля, можно найти истинную жемчужину. Как часто залетный гость готов процедить, мол, прославленная красота испанок чушь полнейшая, а все потому, что он видит лишь мучную толстощекость танцовщиц фламенко да жестких, как гвозди, дам из борделей. В испанских домах терпимости заработок невысок, и шлюхам приходится слишком много работать, чтобы еще сохранять свежесть. Не ищите красавиц на театральных подмостках, в публичных домах или там, где распевают canta honda

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Прочитав этот пассаж, мистер Шипман любезно уведомил, что Ункас сломал ногу и сейчас мистер Виктор Эмануэль приспособил его в качестве упряжной клячи. Что меня совершенно не трогает. – Прим. автора.

2

Тестикулы (исп.).

3

40 °C.

Купить: https://tellnovel.com/ru/heminguey_ernest/smert-posle-poludnya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить